

Институт российской истории РАН

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

Псковский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Die Urkunden Groß-Novgorods
und Pskovs

Chartes de Novgorod-la-Grande
et de Pskov

Charters of Novgorod the Great
and Pskov

ГРАМОТЫ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА И ПСКОВА

Том 1

Тексты

2-е издание

Издательский Дом ЯСК

Москва

2025

УДК 902.6
ББК 63.3(2)42
Г76

Утверждено к печати Учеными советами Института российской истории РАН и Санкт-Петербургского института истории РАН

Издание подготовили:

И.Ю.Анкудинов, Т.В.Круглова, П.В.Лукин, С.В.Полехов, А.Б.Постников, Е.Р.Сквайрс,
А.В.Толстиков, И.С.Юрьева, при участии С.Ю.Агишева

Составитель И.Ю.Анкудинов

Состав авторского коллектива 1980-х гг.:

Ю.Г.Алексеев, В.Ф.Андреев, Ю.Н.Беспярых, Н.А.Казакова, А.И.Копанев, И.П.Шаскольский,
В.Л.Янин (ответственный редактор)

Рецензенты:

А.А.Вовин, И.В.Зайцев

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 15–11–53002, 17–01–00123), Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 19–09–00466, 20–09–00265) и проекта «Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII веков»

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Т. 1. Тексты / 2-е издание. —
Г76 М.: Издательский Дом ЯСК, 2025. — 856 с.
ISBN 978-5-907498-84-6

Издание представляет собой полную публикацию всех известных новгородских и псковских актов, относящихся ко времени независимости этих двух средневековых русских республик. Документы содержат ценную информацию о социально-экономических и социально-политических отношениях XII–XV вв. Всего в издание включены 492 документа и 5 приложений. Издание сопровождается указателями.

Для историков, филологов и всех специалистов, занимающихся исследованием средневековой истории России.

УДК 902.6
ББК 63.3(2)42

ISBN 978-5-907498-84-6

9 785907 498846 >

- © Анкудинов И.Ю., составление, 2024
- © Анкудинов И.Ю., Круглова Т.В., Лукин П.В., Полехов С.В., Постников А.Б., Сквайрс Е.Р., Толстиков А.В., Юрьева И.С., Агишев С.Ю., подготовка текстов, предисловие, 2024
- © Лукин П.В., Полехов С.В., Сквайрс Е.Р., Толстиков А.В., Агишев С.Ю., переводы на русский язык, 2024
- © Издательский Дом ЯСК, оформление, макет, 2024

Предисловие

75 лет назад вышло в свет издание грамот Великого Новгорода и Пскова XII–XV вв., подготовленное коллективом ленинградских историков под руководством С.Н.Валка.¹ Оно явилось логическим результатом предшествовавшего длительного этапа выявления и издания актов материалов Новгорода и Пскова, занявшего около полутора столетий. В рамках одной книги была объединена подавляющая часть известных к тому времени актов материалов двух средневековых республик, что послужило надежным фундаментом дальнейших исторических исследований.

Настоящее издание сохраняет название и общие принципы публикации 1949 г., поэтому может считаться вторым сводным изданием новгородского и псковского актового материала. В то же время оно существенно отличается от него как по объему материала, так и по правилам передачи текстов. Издание разделено на два тома: первый том составляют тексты грамот, второй — комментарии к ним и справочные материалы.

Публикация новгородских актов началась в 1774 г. с издания на страницах «Древней российской вивлиофики» новгородско-княжеских докончаний (но самое первое издание иностранной грамоты, относящейся к отношениям Новгорода с Западом, — «разграничительной грамоты» Новгорода с Норвегией в стране саамов (наст. изд., № 13) — состоялось в 1742 г.). Первые публикации псковских грамот состоялись немного позднее — в 1818 (иностранная грамота, № 411) и 1819 (русская грамота, № 429) гг. На протяжении XIX в. шел процесс введения в научный оборот новых грамот. Они издавались как отдельными публикациями, так и в составе серийных изданий (*СГГД*, *ААЭ*, *АИ*, *АЮ*, *АЮБ*, *НР*, *НУВ*, *ЛЕКУВ*). К рубежу XIX–XX вв. относятся первые сводные издания новгородского актового материала. Эта заслуга принадлежит А.А.Шахматову, издавшему в 1886 г. тексты новгородско-княжеских докончаний (*Шахматов, О языке*) и двинских актов в 1903 г. (*Шахматов, Исследование*). Н.С.Чаяев в 1929 г. издал обонежские акты (*Чаяев*). Первые попытки объединить новгородские материалы под одной обложкой были предприняты в рамках публикаций учебного характера — *ПИН* и *ПИНУП* (соответственно, в 1909 и 1935 гг.). Перед самой войной были изданы грамоты Заонежья (*МИК*). На основе этого фундамента в 1949 г.

¹ ГВНП–1949. В состав авторского коллектива, кроме С.Н.Валка, входили В.Г.Гейман, Н.А.Казакова, А.И.Копанев, Г.Е.Кочин, Р.Б.Мюллер, Е.А.Рыдзевская и С.А.Аннинский.

было осуществлено издание ГВНП–1949, подготовка которого была начата еще до войны (особо надо отметить, что псковские грамоты впервые были объединены именно в рамках этой книги). Но оно не было лишь изолированным эпизодом деятельности отечественных археографов. Всего через год увидело свет издание Новгородской Первой летописи, осуществленное А.Н.Насоновым, а в 1955 г. им же было завершено издание псковских летописей.² В том же 1949 г. было возобновлено издание ПСРЛ. В 1950-е — 1960-е гг. вышли в свет издания актового материала Северо-Восточной Руси XII–XV вв.³

Спустя лишь несколько лет после выхода в свет ГВНП–1949 началось пополнение корпуса новгородских и псковских грамот. Уже в 1956 г. С.Н.Валк опубликовал три новых грамоты (из них две новгородских — № 29, 32), выявленные им среди фотокопий Таллинского городского архива. В дальнейшем последовали новые публикации актовых материалов. Среди ученых, внесших наибольший вклад в расширение круга новгородских актов, в первую очередь следует назвать В.И.Корецкого, обнаружившего и издавшего в 1958–1969 гг. 14 новых грамот (№ 135, 136, 149, 150, 160, 161, 177, 183, 189–190, 209, 224, 225, 226). Также новые новгородские грамоты обнаружили и издали А.Л.Хорошкевич (№ 31, 67), А.Г.Бобров (№ 145, 146). К 1980-м гг. были выявлены также около трех десятков ранее изданных актов, не вошедших в публикацию 1949 г.⁴ В дальнейшем находки новых новгородских актов стали более редкими, но все же несколько новых актов обнаружили и издали В.Ф.Андреев (№ 144), И.З.Либерзон (№ 228, 230), И.Ю.Анкудинов (№ 164, 165) и В.А.Аракчеев (№ 184, 393). Наконец, при подготовке настоящего издания К.В.Баранов обнаружил еще одну давно опубликованную, но забытую двинскую грамоту (№ 374). Для Пскова на первое место должны быть поставлены, несомненно, открытия Л.М.Марасиновой, обнаружившей и издавшей 31 новый акт. Круг псковских актов расширили также С.Н.Валк (№ 413, 460), В.И.Корецкий (№ 449), Н.А.Казакова (№ 427), В.А.Соколовский и С.В.Белецкий (№ 422), А.Л.Хорошкевич (№ 425) и А.В.Кузнецова (№ 490). Наконец, в 2015 г. А.Б.Постниковым была обнаружена копия тетрадь псковского Елеазарова монастыря, содержащая тексты 18 новых актов.

Несколько грамот, ранее издававшихся лишь по спискам, теперь известны в подлиннике. Так, подлинник договора Казимира IV с Псковом, ранее известный лишь по списку Литовской метрики, сохранился в AGAD и был издан в 2009 г. А.А.Бондаренко и О.И.Хоруженко (№ 414). Это также грамота № 205, на подлинник которой нам указал хранитель фонда актовых материалов ОР РНБ С.Г.Жемайтис. Наконец, в 2019 г. В.Ю.Аристов опубликовал по подлиннику, хранящемуся в Национальном музее Украины, грамоту № 177, известную ранее лишь по списку.

В ходе архивных разысканий исследователями были выявлены также и новые списки ранее известных грамот. Иногда эти списки лучше передавали текст акта. Так, в 1955 г. В.И.Корецкий опубликовал новый список жалованной грамоты князя Изяслава Пантелеймонову монастырю (№ 78), а позднее — новые списки двух обонежских грамот (№ 170, 213). Новые списки были также выявлены при подготовке настоящего издания.⁵

² Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Псковские летописи. Вып. 1–2. М.; Л., 1941–1955.

³ ДДГ, АСЭИ, АФЗХ.

⁴ Грамоты № 4, 13, 24, 25, 28, 52, 65, 66, 68, 97, 98, 103, 106, 109, 116, 117, 121, 122, 128, 129, 130, 131, 132, 143, 212, 219, 236, 388.

⁵ Значительная часть таких списков указана в статье: Анкудинов И.Ю. Новые списки новгородских грамот XIV–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 26. Великий Новгород, 2012, с. 341–351.

Необходимость нового издания новгородских и псковских актов была осознана уже к концу 1960-х гг. Это было связано, прежде всего, с находками большого количества новых актов, но также и с тем обстоятельством, что в издание 1949 г. не вошли некоторые тексты, известные к тому времени. Другим фактором, настоятельно требовавшим нового издания актовых материалов, явились достижения в изучении истории средневекового Новгорода, приведшие к передатировке большого числа документов и новым атрибуциям ранее изданных грамот. Наконец, нельзя не сказать об обнаружении и введении в научный оборот новых источников по истории Новгорода и Пскова. На первое место по своему значению, безусловно, должно быть поставлено открытие берестяных грамот (в Новгороде в 1951 г., во Пскове в 1958 г.). Но также серьезные результаты были достигнуты в изучении и издании летописных текстов, писцовых книг, литературных памятников и иностранных источников. Эти достижения позволили по-новому взглянуть на целый ряд давно известных грамот.

Поэтому в 1980-е гг. коллективом ленинградских историков была предпринята попытка подготовить новое сводное издание новгородских и псковских грамот республиканского периода. В состав авторского коллектива входили Ю.Г.Алексеев, В.Ф.Андреев, Ю.Н.Беспярых, А.И.Копанев, Н.А.Казакова, И.П.Шаскольский. Руководил работой коллектива В.Л.Янин. В ходе работы над изданием исследователями был определен круг публикуемых источников и уточнены архивные шифры рукописей, определена структура издания, было предложено передавать тексты по правилам, разработанным в АСЭИ. Большое внимание было уделено разделу легенд актов, посвященному предшествующим публикациям текстов. В частности, было обнаружено несколько публикаций, ранее не учитывавшихся в ГВНП–1949, а также предложено включить в легенду указания на наиболее важные учебные издания (*ЛИВН*, *ЛИВНuП*, *ПРП*). Н.А.Казаковой были выполнены новые переводы немецких грамот, а Ю.Н.Беспярых впервые перевел тексты трех новгородско-шведских договоров. Но в целом, эта работа стремилась максимально сохранить стиль издания 1949 г. В частности, легенда помещалась сразу после заголовка до текста грамоты, была сохранена старая терминология в заголовках актов (в связи с этим, целый ряд ошибок из старых заголовков перешел и в новые), почти не претерпело изменений синтаксическое членение текстов грамот. Так же, как и в издании 1949 г., документы, хранящиеся в зарубежных архивах, переиздавались лишь по предшествующим публикациям.

Издание было почти подготовлено, но так и не было осуществлено. Рукопись этого несостоявшегося издания, к счастью, сохранилась.⁶ Знакомство с нею показывает, что качество подготовки актов было очень неравномерным. В частности, не всегда была проведена (или проведена недостаточно тщательно) сверка с архивными подлинниками многих документов. К работе не привлекались лингвисты, что иногда приводило к неправильному словodelению и синтаксическому членению грамот.⁷ Не были учтены такие издания, в которых впервые были опубликованы многие новгородские грамоты, как первое издание ДРВ и примечания к «Истории государства российского» Н.М.Карамзина.

Думается, что главной причиной неудачи этой работы стало то, что 1980-е годы ознаменовались принципиально новым подходом к изучению и изданию текстов новгородских берестяных грамот, связанным с работами А.А.Зализняка и поддержавшего его В.Л.Янина. Эти достижения потребовали пересмотра многих старых представлений и проверки пра-

⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН, ф. 276 (Издательский фонд), оп. 2, д. 150.

⁷ Этот подход очень контрастировал с ситуацией в изучении новгородских берестяных грамот, где именно участие лингвистов обусловило получение новых важнейших результатов.

вильности всех предшествующих публикаций берестяных грамот. Но они же резко повысили планку требований, предъявляемых и к изданию других источников по истории Новгорода. В этих условиях по инициативе В.Л.Янина работа по переизданию ГВНП была остановлена.

Тем не менее, многие наработки коллектива 1980-х гг. сохраняют свою ценность. При работе над настоящим изданием из рукописи 1980-х гг. было взято следующее. Во-первых, структура издания — группировка новгородских грамот по шести разделам с выделением фальсифицированных актов в отдельный раздел (эта же группировка была принята в книге В.Л.Янина; нами добавлен раздел о несохранившихся новгородских актах и приложения) и выделение грамот отношений Пскова с Западом в отдельный раздел (выделение еще трех разделов псковских грамот осуществлено непосредственно в настоящем издании). Во-вторых, правила публикации русских грамот. В-третьих, архивные шифры грамот, хранящихся в Петрозаводске и Архангельске. В-четвертых, указание в легендах на несколько публикаций грамот, не учтенных в ГВНП–1949 (но этот раздел легенд был нами значительно дополнен), и включение наиболее важных учебных изданий (*ПИН*, *ПИНиП*, *ПРП*). В-пятых, информация о списках грамот Чухченемского Николаевского монастыря из копийных книг Троице-Сергиева монастыря. В-шестых, переводы иноязычных грамот учитывались, наряду с другими предшествующими, при подготовке новых переводов грамот для настоящего издания.

Крупнейшим вкладом в изучение новгородских актов стали монографические исследования В.Ф.Андреева и В.Л.Янина.⁸ В них на широком историческом материале было проведено источниковедческое изучение всего корпуса новгородских актов — как вошедших в издание 1949 г., так и вновь выявленных. Книга В.Л.Янина, в какой-то мере, стала также и сводным комментарием к новгородским грамотам, необходимость которого уже давно была осознана в историографии.

Значительно расширились также возможности включения западных источников и работы с ними в оригиналах после того, как было установлено их новое (послевоенное) местонахождение. Так, многие грамоты из фонда *Ruthenica* Любекского городского архива (*AHL*, *Urkunden*, *Externa*, *Ruthenica*) в результате послевоенных перемещений имеют новые места хранения в РФ.⁹ Ряд документов, вошедших в настоящее издание, находится в РГАДА в сформированном здесь фонде № 1490 «Коллекция русских грамот ганзейского архива» (опись 1976 г.). Он включает 63 единицы хранения 1229–1860 гг., в том числе основные договоры Новгорода с ганзейскими городами. Эта часть фонда *Ruthenica* была недоступна для пользователей и возвращена в научный оборот лишь в начале 2000-х гг., когда при подготовке книги о языковых аспектах ганзейских отношений с Новгородом Е.Р.Сквайрс было получено разрешение работать с материалами этого фонда и опубликовать оригиналы грамот. Отдельные западные документы (№ 18) в результате упомянутого перемещения находятся в Санкт-Петербурге.

Значительный прогресс был достигнут с конца 1990-х гг. в изучении грамот западных партнеров Новгорода, в первую очередь городов Ганзы. Языковые исследования Е.Р.Сквайрс на материале грамот и других правовых жанров Ганзы, начатые с середины 1990-х гг., создали необходимую лингвистическую базу для обновленного научного издания новгородских актов. Постановка на филологическом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова с начала 1990-х гг. обучения студентов и аспирантов немецкой специальности

⁸ Андреев, НЧА; Янин, НАХК.

⁹ Портных В. Л., Сквайрс Е. Р. Судьба трофейных средневековых рукописей и документов из ганзейских городов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1334–1348.

различным аспектам истории нижненемецкого языка Ганзы в определенной степени позволила создать научную школу германистов-медиевистов данного профиля. С особой благодарностью хочется отметить поддержку А.Л.Хорошкевич, которая последовательно поощряла совершенствование лингвистических знаний у младших коллег.

Подготовка к новому изданию грамот была начата еще в конце 1990-х гг. с уточнения мест хранения и шифров грамот и сбора материалов. Постепенно шло накопление сведений. Но непосредственно к работе удалось приступить лишь в 2008–2009 гг. В.Л.Янин поддержал эту инициативу и оказал всемерное содействие. Постепенно сложился авторский коллектив, результатом деятельности которого является настоящее издание.

В ходе подготовки издания были уточнены места хранения и архивные шифры всех известных документов. Работа проводилась непосредственно с архивными подлинниками. Особо следует обратить внимание, что грамоты, хранящиеся в зарубежных архивах, впервые с момента их первой публикации (как правило, в XIX в.) издаются по рукописям. Тексты всех грамот были заново подготовлены и сверены с архивными оригиналами. Почти все подлинные грамоты, хранящиеся в российских архивах, просмотрены с использованием ультрафиолетовой лампы. Были выявлены новые списки грамот и дополнены перечни публикаций (особое внимание было уделено выявлению и учету первых публикаций грамот).

В ходе работы над настоящим изданием выяснилось, что текст многих грамот в 1949 г. был воспроизведен с погрешностями. Учет всех грамот, в которые пришлось вносить те или иные поправки, не велся, но ориентировочно их количество можно оценить примерно в одну треть от общего числа, вошедшего в ГВНП–1949 (процент поправок, внесенных в тексты, обнаруженные и изданные в 1950–1980-е гг., оказался гораздо выше). Следует сразу сказать, что эти огрехи ни в коей мере не являются показателем низкого качества работы предшествующих издателей и не снижают научного значения публикации ГВНП–1949. Причины их могли быть различны. Большинство неверных прочтений обусловлены сложностью самого рукописного материала, а от ошибок и огрехов в работе, к сожалению, никто не застрахован. Одной из главных причин многочисленности внесенных поправок стало то, что при обследовании всех грамот, хранящихся в российских архивах, использовалась ультрафиолетовая лампа. Важным фактором стало также участие лингвистов в работе с текстами. Подавляющее большинство исправлений к текстам грамот касается лишь прочтения отдельных букв, не влияя на содержание текстов. Но не менее двух десятков документов потребовали внесения поправок, влияющих на содержание.¹⁰

Статистические сведения

Основной корпус публикуемых документов насчитывает 492 номера. Из них 466 составляют грамоты, сохранившиеся в подлинниках или списках, 9 фальсифицированных и сомнительных грамот,¹¹ а также 17 упоминаний и изложений содержания несохранившихся актов.¹² В приложениях помещены тексты 30 берестяных грамот – актов (приложение 1) и 12 актов, относящихся к периоду после утраты Новгородом самостоятельности, но написанных с использованием формуляра республиканского времени (приложение 2).

¹⁰ Значительная часть таких существенных поправок была указана в статьях: Анкудинов И.Ю. Поправки к чтению некоторых новгородских грамот XII–XV вв. // Вестник Альянс-Архео. Вып. 25. [Электронное издание]. М.; СПб., 2018, с. 11–19; он же. Поправки к чтению псковских грамот XV в. // Вестник Альянс-Архео. Вып. 30. [Электронное издание]. СПб., 2019, с. 83–86.

¹¹ № 387–395.

¹² № 396–409, 454, 456, 471.

Из 466 публикуемых грамот, подлинность текста которых не вызывает сомнений, 186 издаются по подлинникам,¹³ 5 по фотографиям утраченных или неразысканных подлинников,¹⁴ 4 по прорисям подлинников, выполненным в XIX в.¹⁵ Остальные грамоты издаются по спискам или предшествующим публикациям: 256 по спискам (в том числе 78 по спискам, датируемым временем не позднее конца XV в.¹⁶) и 15 по публикациям.¹⁷

Почти все грамоты, включенные в настоящее издание, ранее уже были опубликованы. Но многие из них публикуются по новым рукописям. Так, три грамоты, ранее известные лишь по спискам, издаются по вновь обнаруженным подлинникам,¹⁸ а 10 — по новым спискам, которые точнее передают текст, чем ранее известные.¹⁹ Кроме того выявлены многочисленные новые списки, привлекаемые для подведения разночтений к текстам. Три грамоты, известные лишь по публикациям, издаются по вновь выявленным публикациям, точнее отражающим текст.²⁰ Впервые публикуются 4 грамоты.²¹

Из 348 грамот, изданных в составе ГВНП–1949, в настоящее издание вошла 341: семь актов исключены в связи с передатировкой и отнесением их к более позднему времени (перечень см. в приложении 3). Общее количество новых грамот настоящего издания составляет 124 (из которых 66 относятся к Новгороду, а 58 к Пскову).²² Из общего числа фальсифицированных и сомнительных актов два²³ впервые включаются в сводное издание.

По сравнению с изданием ГВНП–1949 общий прирост количества новгородских грамот составил 18%, а псковских — 311% (для справки: после завершения сводных изданий актового материала Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в. было обнаружено и издано 204 новых акта, общий прирост составил 10,5%).²⁴

Публикуемые грамоты (без учета приложений) написаны на семи разных языках: на древнерусском — 443, на нижненемецком — 51,²⁵ на верхненемецком — 1,²⁶ на смешан-

¹³ № 2, 4 (?), 6, 8 (2 экз.), 9, 16 (?), 20, 23, 27, 28, 31 (?), 39, 45, 46, 48, 52, 59, 60, 63, 77, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 97 (?), 98, 100, 101, 104, 105, 106, 110, 112, 113, 130 (?), 132, 133 (?), 134, 143, 166, 167, 171, 172 (?), 173, 174 (?), 175 (?), 176 (?), 177, 180, 181, 182, 193, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 215, 216, 219, 220, 221, 223, 227 (?), 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 254, 258, 259, 260, 261, 264, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 287, 291, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 331, 332, 333, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 352, 353, 354, 355, 357, 358, 359 (?), 360 (?), 361, 362, 363, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 375, 376, 377, 410, 414, 422, 425, 427, 430, 459, 461 (?), 464.

¹⁴ № 29, 32, 53, 242, 413. Строго говоря, по фотографии также издается и грамота № 177, но поскольку она дошла до наших дней, опубликована квалифицированным специалистом и доступ к оригиналу является лишь вопросом времени, она учтена среди грамот, сохранившихся в подлиннике.

¹⁵ № 34, 49, 57, 469.

¹⁶ № 1, 3, 5, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 30, 33, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 47, 50, 51, 54, 55, 56, 58, 61, 62, 64, 67, 82, 94, 95, 99, 102, 103, 107, 108, 109, 114, 115, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 137, 138, 145, 146, 196, 210, 222, 275, 276, 277, 278, 279, 329, 334, 335, 343.

¹⁷ № 75, 76, 147, 151, 152, 154, 155, 156, 169, 185, 186, 195, 263, 457, 478.

¹⁸ № 177, 205, 414.

¹⁹ № 78, 96, 164, 165, 170, 213, 236 (?), 288, 289, 448.

²⁰ № 154, 155, 156.

²¹ № 21, 37, 38, 424.

²² № 4, 13, 14, 15, 17, 21, 24, 25, 28, 29, 31, 32, 37, 38, 40, 41, 42, 53, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 97, 98, 105, 106, 109, 116, 117, 121, 122, 128, 129, 130, 131, 132, 135, 136, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 160, 161, 164, 165, 183, 184, 189, 190, 209, 212, 224, 225, 226, 228, 230, 236, 374, 415, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 428, 431, 435, 436, 437, 438, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 455, 458, 460, 462, 463, 465, 467, 468, 470, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492.

²³ № 388, 393.

²⁴ См.: Анкудинов И.Ю. Акты Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI вв., опубликованные в 1970-е — 2010-е годы. Библиографическая заметка. // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в средние века и раннее новое время. К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова. М., 2023, с. 362–369.

²⁵ № 5, 7, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 30, 33, 35, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 61, 62, 64, 66, 67, 72, 73, 108, 411, 412, 415, 420, 424, 426, 427. Еще один документ, не учитываемый в общем количестве немецких грамот, сохранился как перевод эсхатокола договора № 70.

ном верхне-нижненемецком — 1,²⁷ на латинском — 4,²⁸ на древнешведском — 4²⁹ и одна на древненорвежском.³⁰ (Общее количество текстов превышает 492 номера, поскольку несколько грамот сохранились на нескольких языках: 9 на русском и в современных русско-му оригиналу нижненемецких переводах и параллельных текстах³¹ и одна³² — на русском, латинском и древнешведском).

Выявлены три грамоты-палимпсеста.³³ К сожалению, нижний слой текста этих грамот пока не прочитан. По отдельным читаемым словам, можно заключить, что были смыты тексты актового характера. Если их удастся когда-либо прочитать, в распоряжение исследователей поступят еще несколько текстов актов.

Издаваемые документы хранятся в 27 архивах, находящихся в 9 различных государствах. Издатели работали с оригиналами всех грамот, кроме одной (№ 177), хранящейся в Национальном музее истории Украины.

Состав документов.

Объединение в одном издании грамот Новгорода и Пскова связано как с общностью исторического развития двух политических образований в XII–XV вв., так и с сугубо историко-ведческими факторами: акты этих государств вплоть до утраты самостоятельности составлялись на пергамене, скреплялись вислыми свинцовыми (реже позолоченными) печатями и составлялись от третьего лица. В противоположность им акты Северо-Восточной Руси достаточно рано стали составляться на бумаге, скрепляться прикладными восковыми печатями, а составляться от первого лица.

Состав документов сводного издания был определен еще в 1980-е гг. историками Ленинградского отделения Института истории СССР при подготовке новой публикации грамот. Этот состав в части, относящейся к Новгороду, был повторен и в исследовании В.Л.Янина о хронологии новгородских актов.³⁴ Но при подготовке настоящего издания были внесены и некоторые коррективы. Дополнительно были включены грамоты, обнаруженные в 1990-е — 2020-е гг., упоминания о несохранившихся актах, а также приложения — берестяные грамоты – акты и акты после 1478 г., написанные с использованием формуляра периода независимости. Были исключены из издания Устав о мостех, Уставная грамота Святослава Ольговича, Новгородская судная грамота, так как их публикация должна осуществляться по иным принципам.

Распределение грамот по разделам в издании 1949 г. вызвало критику рецензентов. Поэтому в 1980-е гг. была предложена новая структура публикации, отраженная затем и в книге В.Л.Янина. Этой структуре следует и настоящее издание (с дополнением раздела упоминаний о несохранившихся актах и приложений). Следует осознавать, что лю-

²⁶ № 12 (перевод конца XVI в.). С лингвистической точки зрения правильно называть эти языки средненижненемецким и средневерхненемецким («средне-» здесь обозначает период их истории с XII до XV–XVI вв.), однако в настоящем издании для удобства приняты также краткие обозначения «нижненемецкий» и «верхненемецкий».

²⁷ № 47.

²⁸ № 4, 10, 12, 105.

²⁹ № 10, 65, 68, 71.

³⁰ № 13.

³¹ № 20, 26, 48, 53, 59, 60, 67, 416, 427.

³² № 10.

³³ № 143, 359, 366, а также № 361, содержащий в нижнем слое одну смытую строку

³⁴ Янин, НАХК.

бая структура издания будет обладать большой долей условности. Даже территориальный принцип не всегда легко применить к конкретному актовому материалу.³⁵

Отнесение некоторых грамот к конкретным разделам менялось по мере их изучения. Купчая № 148 ранее помещалась в разделе обонежских грамот, но В.Ф.Андреев доказал, что она относится непосредственно к Новгороду.³⁶ Данная № 180 в ГВНП–1949 помещалась в разделе двинских грамот, но В.Л.Янин обосновал принадлежность ее к территории южного Обонежья.³⁷ Грамота № 459 в ГВНП–1949 помещалась в разделе обонежских актов, В.Л.Янин считал такую атрибуцию условной,³⁸ в настоящем издании она отнесена к Пскову: терминология этой грамоты (упоминание «седенья» и «раскладной межи») более характерна для псковских актов.³⁹

Следует сделать несколько предварительных замечаний по отдельным разделам тома.

Грамоты отношений с Западом. Большую ценность для науки представляют документы, возникшие в ходе контактов Новгорода и Пскова с их западными соседями — Тевтонским орденом в Ливонии, ливонскими епископствами, Ганзой, и с северными соседями — Швецией и Норвегией.⁴⁰ Известную трудность при их публикации и изучении создавало то обстоятельство, что эти документы, дошедшие до нас в подлинниках, списках и переводах на древнерусском, латыни, средненижненемецком, древненорвежском и древнешведском, разбросаны по архивам нескольких стран. С течением времени некоторые из этих архивов и отдельные грамоты подвергались перемещениям: так, уже в 1621 г. архив ливонских магистров, включая подлинники договоров с Новгородом и Псковом (№ 48, 60, 427), был вывезен в Стокгольм,⁴¹ а в 1761 г. любекский синдик К.Г.Дрейер подарил парадно оформленную пергаменную грамоту с договором 1269 г. (№ 5) Петербургской Академии наук, после чего она то исчезала из поля зрения исследователей, то вновь обнаруживалась.⁴² В 1944–1945 гг. были эвакуированы вглубь Германии Кёнигсбергский государственный архив (который в конечном счете в начале 1980-х гг. оказался в Берлине) и Таллинский городской архив (лишь частично, при этом был утерян ряд новгородских грамот; сохранившиеся документы были возвращены в Таллин в 1990 г.); часть материалов Любекского городского архива была вывезена в Советский Союз (ныне некоторые документы этого архива хранятся в РГАДА в ф. 1490). В результате исследователи истории Новгорода и Пскова не всегда располагали возможностью доступа к ним или даже сведениями о месте их хранения, не говоря уже о необходимых палеографических и языковых компетенциях. Издатели ГВНП–1949 заимствовали тексты таких грамот и сведения о них

³⁵ Например, в духовных № 142 и 153, включенных в раздел «Акты центральных районов Новгородской земли», речь идет о землях, располагавшихся как в центре, так и на окраинах — в Заволочье, Бежецком Верхе и Торжке.

³⁶ Андреев В.Ф. О некоторых функциях уличанских старост в Новгороде XV в. // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986, с.12–13.

³⁷ Янин, НАХК, с. 251–252.

³⁸ Янин, НАХК, с. 236.

³⁹ См.: Анкудинов И.Ю. Новые материалы о псковских актах XV — начала XVI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 35. М.; Псков, 2020, с. 196–197.

⁴⁰ Документы об отношениях Новгорода с Великим княжеством Литовским, опубликованные в ГВНП–1949 в одном разделе с указанными грамотами, в настоящем издании помещены в раздел об отношениях Новгорода с князьями: «Обсуждаемые в этих документах проблемы ни в малейшей степени не сходны с проблемами новгородско-ганзейских, новгородско-ливонских или новгородско-скандинавских отношений. Напротив, они вполне родственны характеру новгородско-княжеских докончаний» (Янин, НАХК, с. 7–8).

⁴¹ Schirren C. Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. H. 1. Dorpat, 1861.

⁴² Squires C. Early Hanseatic Manuscripts in the Mid-Eighteenth-Century Discourse between Lübeck and Saint Petersburg // *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2018, vol. 78, No. 2, p. 185–203; Скватирс Е.П. Опыты филологических реконструкций. М., 2022, с. 143–146.

главным образом из предшествующих публикаций, что сказывалось на качестве издания. Публикация древнерусских и иноязычных грамот о западных контактах Новгорода и Пскова по рукописям в одном разделе настоящего издания обещает быть весьма продуктивной для их комплексного изучения.

При подготовке настоящего издания число грамот об отношениях Новгорода и Пскова с Западом удалось существенно увеличить по сравнению с ГВНП–1949, куда вошли 56 таких грамот (с учетом документов об отношениях Новгорода с Великим княжеством Литовским), из которых 27 — иноязычные.⁴³ В действительности фонд таких материалов гораздо более значителен. Количество немецких документов XIV–XV вв., в той или иной степени относящихся к Новгороду и Пскову, исчисляется многими десятками. В таких условиях было важно руководствоваться определенными критериями при выборе документов для издания. В соответствии с ними в настоящее издание включены следующие документы: 1) межгосударственные договоры и другие документы публично-правового характера, юридически закреплявшие отношения Новгорода и Пскова с западными соседями, 2) все документы на русском языке, связанные с отношениями Новгорода и Пскова с Западом, 3) документы, исходившие из Новгорода и Пскова и адресованные немецким соседям, сохранившиеся лишь в немецком переводе. Все грамоты, ранее издававшиеся в составе ГВНП–1949, вошли и в настоящее издание, так как вполне соответствуют этим критериям. (Большой массив документов ганзейского подворья в Новгороде, переписки между ганзейскими городами и других материалов требует отдельного издания, которое в настоящее время осуществляется в рамках серийной публикации «Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова».)⁴⁴

Хотя настоящее издание ограничивается временем независимости Новгорода и Пскова, В.Л.Янин предложил включить в его состав и три договора с Ливонией 1480–1490-х гг. (№ 70, 72, 74) на том основании, что в оформлении их «наряду с великокняжескими наместниками деятельное участие принимали и представители «старого» Новгорода — бояре и купеческие старосты».⁴⁵ Поэтому эти договоры включены и в настоящее издание. Кроме них включены еще два русско-шведских договора 1480-х гг. (№ 71, 73), которые полностью соответствуют критериям В.Л.Янина.

В настоящем издании удалось не только увеличить количество публикуемых грамот об отношениях Новгорода и Пскова с западными соседями, но и дать более полное и всестороннее представление об одной недооцененной разновидности таких грамот, ранее изданных в ГВНП–1949 и других изданиях. Речь идет о двуязычных грамотах, т. е. грамотах, написанных параллельно на двух языках (русском и латыни, русском и средненижнемецком),⁴⁶ что было призвано придать одинаковый правовой статус двум текстам, понятным каждой из договаривающихся сторон. Как правило, основным текстом таких документов был русский, тогда как иноязычный текст дословно, а иногда и пословно воспроизводил его формулировки.⁴⁷ Хотя издатели ГВНП–1949 знали о существовании двуязычных до-

⁴³ № 5, 7, 11, 12, 16, 18, 19, 22, 27, 30, 33, 35, 43, 44, 47, 50, 51, 54–56, 58, 61, 62, 64, 108, 411, 426 (ГВНП–1949 — № 31, 33, 37, 39–43, 47–49, 51, 52, 54, 55, 59, 61, 62, 64, 66–68, 73, 74, 76, 334, 347). Не публиковались в ГВНП–1949 иноязычные тексты документов, представленных древнерусскими текстами, даже если речь шла об основополагающих договорах Новгорода с его соседями — № 10, 20, 26, 48, 59, 60, 415 (ГВНП–1949, № 38, 44, 46, 60, 71, 72, 336).

⁴⁴ См.: Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. М.; СПб., 2021.

⁴⁵ Янин, НАХК, с. 4.

⁴⁶ № 10, 20, 48, 60, 427.

⁴⁷ Подробнее см.: Полехов С.В. “Propter varia signa incognoscibilia et multiplices characteres paganicas”. Двуязычные документы в практике коммуникации Руси с латинским культурным кругом в XIV–XVI столетиях // Polystoria. Митрополиты, мудрецы, переводчики в средневековой Европе. М., 2024. С. 116–158.

кументов,⁴⁸ они публиковали только русские их тексты. Между тем публикация иноязычных текстов таких грамот позволяет выявить их отличия от русских текстов, порой весьма существенные для их датировки, идентифицировать участников переговоров и уточнить условия договоров.

В раздел «*Грамоты центральных районов Новгородской земли*» включены также несколько актов, относящихся к территории Торжка. Их можно было бы выделить и в самостоятельный раздел, но их малое количество и близость к основной новгородской территории делают такой вариант пока нецелесообразным. (В последние годы В.А.Кучкиным были достигнуты значительные успехи в прочтении новоторжских грамот, найденных в московском кремле в 1843 г.⁴⁹ Возможно, дальнейшее их изучение позволит расширить круг актов Торжка).

Фальсифицированные и сомнительные акты. В данном разделе собраны документы, хотя и связанные с периодом новгородской самостоятельности, но созданные или переработанные в более позднее время. Необходимость издания фальсифицированных актов обусловлена тем, что нередко для их изготовления в качестве образцов использовались подлинные акты, и тем самым они могут содержать ценную историческую информацию. Внесение интерполяций в подлинные акты и создание фальсификатов не были большой редкостью.⁵⁰ Но если интерполяции, внесенные в подлинные грамоты, можно выявить палеографическими методами, то с грамотами, известными лишь в списках, дело обстоит сложнее.

Определение акта как фальсифицированного всегда составляет серьезную исследовательскую проблему. Дискуссия по вопросу о подлинности некоторых актов длится много десятилетий. Поэтому в данный раздел включены как безусловные фальсификаты, так и документы, подлинность или фальсифицированность которых окончательно не доказаны. Включение документа в этот раздел призывает к осторожности при его использовании в исторических исследованиях.

Пожалуй, самым сложным был вопрос — в какой раздел включать «духовную Антония Римлянина» (№ 390). Если относительно «купчей Антония Римлянина» (№ 391) можно считать доказанным фальсифицированность содержащегося в ней описания земельной межи, то по поводу «духовной» в историографии предложены взаимоисключающие трактовки — от утверждения о ее подлинности и отнесения к началу XII вв. до признания фальсификатом XVI в.⁵¹ Как кажется, в вопросе о месте этой грамоты в публикации среди других актов следует проявить особую осторожность и предупредить исследователя о рискованности использования данных этого документа для изучения истории XI–XII вв. Поэтому, не считая возможным окончательно решать вопрос о подлинности этой грамоты, ее целесообразнее поместить среди фальсифицированных и сомнительных актов.

⁴⁸ ГВНП–1949, с. 5, 99, 117, 119.

⁴⁹ Кучкин В.А. Кремлевская находка 1843 г. // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 7. М., 2010, с. 302–307.

⁵⁰ В публикуемых в настоящем издании грамотах, сохранившихся в подлиннике, также имеются позднейшие интерполяции. В жалованной грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю (№ 306) одна лодья, не облагаемая пошлинами, с помощью искусно выполненных поправок превратилась в *одиннадцать* лодей. В данной Палеостровскому монастырю (№ 171) позднейшим почерком (и другими чернилами) вписан дополнительный объект — Заячий остров. В жалованной грамоте Новгорода Соловецкому монастырю (№ 198) вместо затертого имени игумена Ионы вписано имя Зосимы. В псковской духовной Акилины (№ 464) сравнение списка, предъявленного при судебном разбирательстве, с сохранившимся подлинником, выявляет прямую фальсификацию — вместо церкви св. Михаила в Кухве в списке записана ц. Успения.

⁵¹ Историографию вопроса см.: Янин В.Л. Грамоты Антония Римлянина и их датирование. // Он же. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 40–59; Кашианов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996, с. 83–87.

Таким же сложным является вопрос о месте в издании мировой Вымоченского погоста, шунгских смердов, толвуян и кузарандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми о размежевании земель в Челмужском погосте (грамота № 387), содержащей в тексте явные признаки фальсификации XVI–XVII вв.⁵² В.Л.Янин вслед за Л.В.Даниловой предложил рассматривать ее среди подлинных актов, поскольку эти признаки содержатся лишь в последних строках списка, а содержание грамоты вполне соответствует 2-й половине XIV в.⁵³ Как подлинную ее рассматривал и С.З.Чернов.⁵⁴ Но такой вывод кажется слишком решительным. Предложенное В.Л.Яниным объяснение появления фальсифицированных элементов тем, что «они могут иметь отношение только к попытке придать списку более убедительный для юридического обихода XVII в. характер», представляет собой лишь догадку, не находящую подтверждения в материалах спорных поземельных дел XVI–XVII вв., в ходе которых представлялись списки с грамот XIV–XV вв. без какой-либо подгонки их под формуляр актов более позднего времени. Такое использование позднейших элементов формуляра заставляет с настороженностью относиться к точности передачи самого важного в поземельном акте — описания границ земельного владения, искажения которых очень трудно выявить. Поэтому представляется целесообразным проявить осторожность и к этому акту и поместить его среди сомнительных.

Упоминания о несохранившихся грамотах. Кроме дошедших до нас текстов актов, иногда в источниках встречаются краткие упоминания о несохранившихся документах. В настоящее время вполне осознана ценность таких материалов, и они иногда публикуются исследователями (А.А.Зимин в своих воспоминаниях писал, что при публикации АСЭИ и АФЗХ, «к сожалению, не были изданы упоминания об актах XIV–XV вв., хотя материалы для этого были собраны»⁵⁵). Многочисленные упоминания о несохранившихся грамотах включены в перечни монастырских актов XV — начала XVII в., составленные А.В.Антоновым.⁵⁶ Тексты таких упоминаний, в большинстве своем выявленные С.В.Полеховым, вошли также в состав нового сводного издания полоцких грамот.⁵⁷

В документах XVI–XVII вв. иногда встречаются упоминания новгородских грамот «за свинцовыми печатями». Но эти упоминания, как правило, не содержат какой-либо конкретной исторической информации: ни о характере акта, ни о контрагентах акта, ни о каких-либо иных юридически значимых фактах, обычно присутствующих в поземельных грамотах. Они сообщают лишь о факте существования грамоты на определенные земельные угодья. Особенно много подобных упоминаний в новгородских поженных книгах XVI в.,⁵⁸ но они в большинстве случаев либо очень неконкретны, либо невозможно доказать их отнесение к периоду новгородской независимости. Поэтому включать их в наше издание нецелесообразно.

⁵² Валк С.Н. Начальная история древнерусского частного акта. // *Он же. Избранные труды по историографии и источниковедению.* СПб, 2002, с. 541.

⁵³ Янин, НАХК, с. 236–244; Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955, с. 15–17.

⁵⁴ Чернов С.З. Два погоста — одно «племя»: Мировая грамота 1375 г. и механизмы вепской колонизации новгородского Обонежья. // *Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории.* М., 2021, с. 119–152.

⁵⁵ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015, с. 93.

⁵⁶ См.: Русский дипломатарий. Вып. 1–10. М., 1997–2004.

⁵⁷ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века. Т. 1. М., 2015.

⁵⁸ ПКНЗ, т. 1, с. 309–375.

Критерием включения в настоящее издание упоминаний о несохранившихся актах является наличие в них информации, позволяющей датировать их республиканским периодом и реконструировать (хотя бы в небольшой степени) содержание таких актов.

Упоминания о несохранившихся новгородских актах вынесены в особый раздел. Упоминания о несохранившихся псковских актах в силу их малочисленности⁵⁹ помещены среди сохранившихся текстов псковских грамот. Скорее всего, этот раздел может быть в будущем пополнен новыми материалами.

Псковские грамоты объединены в четырех разделах. Два первых раздела выделены по аналогии со структурным делением издания новгородских грамот. Один включает грамоты, характеризующих отношения Пскова с Западом, второй, состоящий из единственной грамоты № 429, посвящен отношениям Пскова с князьями. В раздел об отношениях Пскова с Западом включены также документы о его контактах с Великим княжеством Литовским — не только договор 1440 г., подлинник которого происходит из литовского великокняжеского архива (№ 414),⁶⁰ но и ряд документов и записей в древнейших книгах Литовской метрики о псковских посольствах к Казимиру Ягеллону в 1480–1492 гг. (№ 416–419, 421, 423). Хотя некоторые из этих записей были сделаны в литовской великокняжеской канцелярии, они публикуются в настоящем издании, чтобы пополнить относительно небогатый фонд документальных источников по истории Пскова.

Грамоты двух других разделов относятся к категории частных актов, из которых грамоты Елеазарова монастыря, большинство из которых были обнаружены лишь недавно, выделены в особый раздел.

Приложение 1 составили *берестяные грамоты*, написанные по формуляру актов. Всего учтено 30 берестяных грамот – актов (из них целых документов 16, обрывков 14 (среди которых 5 довольно крупных, остальные 9 маленькие)). Возможно, среди всех найденных к настоящему времени берестяных грамот имеются и другие, написанные по актовому формуляру, но сохранность в виде незначительных обрывков препятствует их опознаванию. Остается не решенным вопрос, могли ли тексты актов, записанные на бересте, выполнять все юридические функции, присущие оформленным на пергамене актам, или они представляют собой черновики документов. Определенно можно сказать лишь относительно поземельных актов: поскольку все сделки с землей требовали утверждения печатью владычного наместника или другого должностного лица, то берестяные грамоты – акты, содержащие тексты поземельных документов, не могли быть полноценными юридически значимыми документами. Но относительно других категорий (не поземельных актов) этого пока сказать нельзя. Вполне возможно, что какие-то из берестяных актов могли выступать как полноценные документы.⁶¹ Среди найденных берестяных грамот имеются такие разновидности текстов актового характера, которые не представлены в дошедших до нас пергаменных подлинниках или списках актов (например, поручная — берестяная грамота № 43 из Старой Руссы (№ 2 по Приложению), или акт взыскания по бессудной грамоте — № 366 (№ 17 по Приложению) и др.). В будущем, по мере накопления нового материала, берестяные грамоты могут дать новый материал по вопросам возникновения частного акта и динами-

⁵⁹ № 454, 456, 471.

⁶⁰ Jakubowski J. Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy // Archeion. 1931. Т. 9. S. 14.

⁶¹ Известно об использовании бересты в процессе судопроизводства в Пскове: досмотр спорных угодий «на луб выписали и перед осподою положили, да и велись по лубу» (наст. изд. № 466).

ке развития разных категорий актов. Хотя обычно берестяные грамоты издаются по лингвистическим правилам, для нашего издания тексты берестяных актов были подготовлены по тем же правилам, что и тексты актов, сохранившихся в пергаменных подлинниках.

В *Приложении 2* публикуются 12 грамот, относящихся к периоду после присоединения Новгорода к Москве, но составленных с использованием формуляра, типичного для республиканского периода. Их привлечение к изданию позволит лучше проследить историю новгородского частного акта на самом последнем этапе его развития.

Печати

Составной частью грамот являлись удостоверявшие их печати.

Печати сохранились (или сохранялись еще в XIX–XX вв. при первых публикациях актов) при 131 грамоте. Большинство грамот были скреплены вислыми свинцовыми (иногда серебряными позолоченными) печатями, являвшимися традиционным атрибутом государственной власти всего республиканского периода истории Новгорода и Пскова. Но на определенном этапе появились и восковые печати: при трех грамотах сохранились вислые восковые печати, оттиснутые матрицами для свинцовых,⁶² при четырех — восковые вислые односторонние,⁶³ при девяти — восковые прикладные.⁶⁴ Также имеются две грамоты, при которых прикладные восковые печати были оттиснуты матрицами для свинцовых.⁶⁵

Не все грамоты сохранили первоначальное прикрепление печатей, в некоторых случаях связь печати с грамотой оказалась нарушенной (т. е. они были в какой-то момент отделены от скреплявшегося ими акта). Во всех таких случаях следует тщательно проверять, была ли сохранившаяся печать той самой, которой скреплялась грамота (тем более что известны случаи, когда печати были перепутаны — например, при некоторых двинских актах).

Всего сохранили первоначальное прикрепление печатей 82 грамоты.⁶⁶ У 17-ти актов печати привязаны к грамоте,⁶⁷ у 11-ти печати в настоящее время полностью отделены и хранятся при грамотах.⁶⁸ Часть печатей оказалась утраченной и ныне известна лишь по фотографиям (6 грамот),⁶⁹ по прорисям (9 грамот),⁷⁰ следам на грамотах (3 грамоты)⁷¹ или описаниям (4 грамоты).⁷²

⁶² № 28, 46, 52 — при каждой грамоте по две печати.

⁶³ № 45, 48, 105, 427 (вместе с одной свинцовой).

⁶⁴ № 34, 59, 173, 193, 199, 221, 223, 233, 425.

⁶⁵ № 415, 422.

⁶⁶ № 1–2 (одна из трех печатей), 6 (3 шт.), 8 (2 экз. подлинника по 3 печати — всего 6 шт.), 9, 20 (2 шт.), 23 (2 шт.), 28 (2 шт. восковые вислые), 34 (2 шт. восковые прикладные), 36, 39 (2 шт.), 46 (2 шт. восковые вислые), 48 (6 шт. восковые односторонние вислые), 52 (2 шт. восковые вислые), 59 (восковая прикладная, сохранилась одна из трех), 60 (3 шт.), 84, 88, 90 (2 шт.), 98, 100, 101 (11 шт.), 104 (одна из двух), 105 (восковая вислая, литовская), 112 (2 шт.), 113 (2 шт.), 132 (одна из двух), 173 (прикладная восковая), 177, 180, 181, 182, 193 (прикладная восковая, изображение утрачено), 198 (8 шт.), 199 (прикладная восковая), 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 211, 215, 216, 220, 221 (прикладная восковая), 223 (прикладная восковая), 233 (прикладная восковая), 237, 240 (одна из двух печатей хранится отдельно), 258, 260, 266, 267, 269, 270, 280, 281, 283, 303, 306 (7 шт., еще одна известна по фото), 307, 309, 311, 316, 327, 328, 330, 345, 347, 358, 359, 360, 362, 363, 366, 367, 368, 370, 375, 425 (одна из 7 восковых прикладных), 427 (6 вислых восковых, 1 свинцовая, 1 немецкая восковая вислая).

⁶⁷ № 81, 93, 171, 219, 308, 312, 313, 314, 324, 331, 339, 346, 352, 353, 361, 410, 464 (а также грамоты № 1–2 — привязаны 5 печатей, 6-я сохранила первоначальную подвеску).

⁶⁸ № 45 (восковая односторонняя вислая), 77, 85, 87, 89, 104 (1 из двух), 235, 325, 333, 348, 357.

⁶⁹ № 227 (фото одной стороны гипсового слепка), 242 (была привязана), 268, 306 (одна из 8 печатей), 377 (3 шт. из 8), 430.

⁷⁰ № 49 (2 восковые односторонние вислые печати), 57 (2 печати), 143, 166, 259, 284 (печать была привязана), 302, 310 (возможно, сохранилась при другой грамоте), 326.

⁷¹ № 63, 415, 422.

⁷² № 185, 186, 195, 263.

В настоящем издании приводятся сведения о 197 печатях, сохраняющихся (или сохранившихся) при 131 публикуемой грамоте (см. Указатель печатей, сохранившихся при грамотах). Из них опубликованы в АПДР, т. 2 — 152 экз., опубликованы в других изданиях — 27 экз., ранее не издавались — 17 экз.

Как известно, подавляющее большинство известных актов печатей было обнаружено в земле как случайные находки (лишь небольшая часть печатей была найдена в ходе археологических исследований). По подсчетам П.Г.Гайдукова, «к 2019 г. на территории России, Украины и Беларуси найдено не менее 12000 древнерусских печатей X–XV вв.»⁷³ Печати, сохранившиеся при грамотах и опубликованные в настоящем издании, являются эталоном при изучении этого огромного сфрагистического корпуса.

Можно попытаться приблизительно определить общее количество актов печатей, попавших в культурный слой Новгорода.⁷⁴ Чтобы избежать проблем, связанных с разной методикой проведения раскопок, за основу подсчетов были взяты сведения о площади раскопок и количестве печатей, найденных в ходе работ в Новгороде экспедиции Института археологии РАН в 2008–2020 гг. — с момента широкого внедрения металлодетекторов в практику исследований. По опубликованным в сборниках «Новгород и Новгородская земля. История и археология» материалам, на площади 12349 м² экспедицией было найдено 166 печатей. Скорее всего, эти цифры являются немного заниженными, так как в публикациях упомянуты не все раскопы и находки. Площадь города в пределах земляных валов составляет (разумеется, без учета р. Волхов) около 400 га. Простые математические операции позволяют определить, что в культурном слое Новгорода (без учета его повреждения позднейшим строительством) должно находиться около 55000 печатей, отложившихся на протяжении XI–XV вв. Скорее всего, эту цифру следует считать заниженной.

Но она является производной от гораздо более значительного корпуса актов печатей, существовавшего в древности. Можно не сомневаться, что в культурный слой попадали лишь немногие из печатей: несомненно, большинство из них когда-то скрепляли грамоты, которые, как правило, представляли для своих владельцев большую ценность и должны были тщательно сберегаться. К сожалению, приходится ограничиться лишь суждением, что общее количество печатей и скрепленных ими грамот за период XI–XV вв. многократно превышало 55 тысяч.

Датировка грамот

Большинство новгородских и псковских грамот периода независимости не содержат в тексте даты их составления. Датировка таких грамот производится на основании их содержания, по косвенным признакам, содержащимся в тексте. Этой проблеме посвящена большая исследовательская литература. Важнейшим трудом по данной проблематике является книга В.Л.Янина, изданная в 1991 г.⁷⁵ В своем исследовании В.Л.Янин обобщил результаты трудов предшественников и предложил новые датировки для всего корпуса известных ему новгородских актов (псковские грамоты остались вне научных интересов ученого). Результаты его работы являются основой для датировок, принятых в настоящем издании.

⁷³ Гайдуков П.Г. Вислые свинцовые печати из раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг. // Архитектурная археология. № 1. М., 2019, с. 129, прим. 1.

⁷⁴ Используя ту же методику, с помощью которой В.Л.Янин вычислил, что в культурном слое Новгорода хранятся около 20000 берестяных грамот.

⁷⁵ Янин, НАХК.

В.Л.Янин датировал акты с точностью до года. При этом для многих из них сам исследователь приводил в тексте книги календарные даты, позволяющие немного сузить датировку некоторой части грамот: например, календарные даты избрания или смерти новгородских архиепископов, князей, посадников и тысяцких, даты определенных событий и т. п. В настоящем издании эти факты учтены и внесены в заголовки грамот.

После выхода в свет книги В.Л.Янина появились критические замечания относительно некоторых предложенных им датировок. Для целей нашего издания они были также тщательно проверены. Некоторые из них потребовали корректировки или пересмотра. Обоснование датировок помещается в комментариях к актам во 2-м томе настоящего издания.

Отдельно следует остановиться на вопросе о *хронологии двинских актов*.

Датировки двинских актов, сопровождавшие их первые публикации, отражали самый ранний этап изучения этих источников и неизбежно имели лишь предварительный характер. Положение практически не изменилось и к моменту издания ГВПН–1949. Поэтому хронологические разыскания А.А.Шахматова и датировки, принятые в ГВПН–1949, в настоящее время имеют лишь историографическое значение. Впоследствии некоторые исследователи также обращались к вопросам датировки отдельных двинских актов, не касаясь всей совокупности сохранившегося материала.

Систематическому исследованию хронология двинских актов подвергалась лишь дважды — В.Ф.Андреевым и В.Л.Яниным. Результаты работы В.Ф.Андреева были обобщены в его монографии «Новгородский частный акт XII–XV вв.» (Л., 1980). Но при подготовке в 1980-е гг. нового сводного издания новгородских и псковских актов периода независимости некоторые даты были уточнены или исправлены. Поэтому рукопись этого несостоявшегося издания 1980-х гг. отражает дальнейшее развитие взглядов В.Ф.Андреева (очевидно, при участии А.И.Копанева, также готовившего к изданию часть двинских актов XV в.). В.Л.Янин в своей книге подверг критике всю систему хронологических построений В.Ф.Андреева и предложил свою, основанную, прежде всего, на тщательном учете данных сфрагистики. К сожалению, исследователь отказался от «специального разбора исследовательских контроверз»⁷⁶ В.Ф.Андреева, что делает его критику неполной, а систему В.Ф.Андреева окончательно не опровергнутой. Поэтому вопрос датировки двинских актов не может считаться окончательно решенным.

При подготовке настоящего издания были собраны новые материалы, имеющие значение для уточнения датировок: это, во-первых, определения большой группы актов, написанных одинаковыми почерками, и во-вторых, признание важной роли палеографической датировки грамот, сохранившихся в подлиннике. Поскольку эти новые результаты были получены на самом последнем этапе подготовки издания, их не удалось учесть в полной мере для целей уточнения датировок актов. Поэтому корректировка датировок каких-то актов представляется неизбежной.⁷⁷

Есть еще одно обстоятельство, которому не уделялось должного внимания. Еще С.Н.Валк совершенно справедливо обратил внимание, что при принятии в качестве рубежа

⁷⁶ Янин, НАХК, с. 292.

⁷⁷ В качестве примера можно привести следующее рассуждение. Совершенно очевидно, что разница датировок грамот, написанных одним почерком, не может быть слишком большой. Но имеющиеся на сегодняшний день даты группы из девяти актов, написанных одним почерком, принадлежащим соцкому Ивану Степановичу (№ 267, 301, 309, 315, 316, 342, 346 (?), 353, 369), охватывают интервал 2-й четверти XV — 1470-х гг. По-видимому, крайние даты этого интервала должны быть пересмотрены.

датировки двинских актов 1471 года — времени утраты новгородского суверенитета над Двиной — остается большой временной промежуток до появления датированных двинских актов (правда, он отметил в качестве наиболее ранней даты 1498/99 г.).⁷⁸ Поэтому в издании ГВНП–1949 наиболее поздние двинские акты датировались второй половиной XV в. (или в целом XV веком). Но самые ранние двинские акты, написанные после потери Новгородом независимости по новому формуляру и содержащие дату, появляются не ранее 1490/91 г.⁷⁹ При подходе, ограничивавшем датировку рубежом утраты независимости Новгородом, получалось, что от 1480-х гг. в Подвинье не известно ни одного акта. Но, видимо, правильнее предполагать, что на протяжении всех 1480-х гг. на Двине продолжал использоваться старый новгородский порядок оформления актов. В этом случае датировка наиболее поздних двинских актов не должна ограничиваться 1471 или 1478 годом, а должна быть продолжена до 1489/90 г.

Хотя в основе принятых в настоящем издании датировок двинских актов лежат даты, предложенные В.Л.Яниным, датировки В.Ф.Андреева также сохраняют научную ценность, пока не будет проведено новое систематическое изучение двинских грамот, учитывающее как аргументацию всех предшественников, так и новые материалы, представленные в настоящем издании. В связи с этим в *Приложении 4* приведены различные датировки, отражающие эти две системы хронологии двинских актов.

Шифры архивного хранения.

Большой проблемой, потребовавшей значительных затрат сил, явилось установление архивных шифров публикуемых документов. В предшествующих публикациях нередки случаи ошибок в шифрах⁸⁰ или неточного указания некоторых элементов шифра. В публикациях В.И.Корецкого и Л.М.Марасиновой для текстов, обнаруженных ими среди столбцов Поместного приказа, указывался лишь общий порядковый номер столбца, в то время как сейчас для их разыскания большее значение имеет частный номер в рамках отдельного города.⁸¹ Не говоря уже о грамотах, хранящихся в зарубежных архивах: в публикациях XIX в., в лучшем случае, указывалось лишь название архива; поиски таких документов явились самостоятельной исследовательской задачей. Некоторые документы изменили место своего хранения.

Особую проблему представляет изменение архивных шифров документов и перенумерация листов единиц хранения. Своеобразный рекорд принадлежит ОПИ Новгородского музея-заповедника: за последние примерно 40 лет пришлось пережить три тотальных смены шифров документов — сквозную нумерацию инвентарными номерами внутри отдела, общемузейную нумерацию по книге поступлений и, наконец, фондирование документов по отдельным коллекциям с присвоением им новых трехчленных номеров (при этом переводные таблицы шифров не составлялись), а про изменение нумерации листов и говорить не приходится. Попытки радикального изменения архивных шифров предпринимались в LVVA, ANL и в находившейся после Второй мировой войны в Германии части TLA,

⁷⁸ Валк С.Н. Начальная история древнерусского частного акта. // *Он же*. Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб., 2000, с. 538–540.

⁷⁹ СбГКЭ, т. 1, № 41, стб. 36–37; Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981, с. 195–197.

⁸⁰ Например, архивный шифр такой известной грамоты, как духовная Климента (№ 134) во всех предшествующих публикациях был указан неверно, и разыскание грамоты стало возможным лишь при помощи сотрудников ОР ГИМ.

⁸¹ В разыскании этих грамот большую помощь оказал А.В.Антонов, бывший в то время заведующим отделом хранения поместно-вотчинных фондов РГАДА.